

СЕКРЕТНО.

30 Oct 58

ОБЩИЙ ВЫВОД.

О личности черкеса СОБОЦКОВ ЧЕРИМ
ТЮВУЧ.

Данного субъекта я знаю по курсам в форте Мит, так как я там был в роли инструктора. Как курсант в форте Мит он произвел на меня впечатление умного, энергичного и прямого человека, активного и убежденного фанатического врага не только в отношении коммунизма, но и в отношении русских в целом, которых он расценивает заклятыми врагами своей родины.

В результате произведенного опроса его мое впечатление не только не ослабло, но укрепилось. За короткий период времени он сильно возмужал и умственно вырос.

По моему мнению, он обладает многими качествами, ценными для нашего ведомства:

- 1/- Чисто фанатическая ненависть к коммунизму.
 - 2/- Такая же фанатическая преданность и горячая любовь к своей родине и своему народу.
 - 3/- Потенциальность вести неустанную борьбу в интересах своего народа против коммунизма с целью освобождения своей родины от коммунистической тирании.
 - 4/- Фанатическая неприимчивость к коммунизму делает его совершенно неспособным на какой либо контакт с коммунизмом, или на измену своим национальным идеям. Он абсолютно неспособен стать агентом-двойником или работать на пользу большевизму. Он скорее умрет, чем согласится на это. Это делает его абсолютно надежным работником нашего ведомства.
 - 5/- Он обладает огромными организаторскими способностями.
 - 6/- Он обладает такой настойчивостью и упорством в достижении стоящих перед ним задач, какие трудно найти среди людей. Перед трудностями он не стонует. После разгрома Германии за свою группу черкесов он дрался долго и упорно, пока не достиг полного успеха.
 - 7/- Среди черкесов он пользуется большим авторитетом. Нет сомнения, что этот авторитет может возрасти и выходить за рамки его национальности, распространяться и на другие магометанские национальности.
 - 8/- Хорошая умственная зрелость обеспечивает ему дальнейший быстрый умственный рост, быструю ориентировку в новой среде и способность обихаживаться с новыми людьми.
- Из его недостатков необходимо отметить:
- 1/- Недостаточное общее образование, которое он, однако, быстро восполняет.
 - 2/- Слишком горячий кавказский темперамент и резкая неприимчивость ко всему, с чем он не согласен. Он слишком прямой человек. Он не способен на тонкую дипломатическую интригу. Этому он должен учиться. Он готов к суровой критике ошибок и своих собственных, и ошибок других людей. Это, однако, вовсе не значит, что он мало способен к законам конспирации. Он очень требователен и к себе, и к людям. Такая дисциплина должна сделать его осмотрительным конспиратором.
 - 3/- Вымышленная легенда о годе своего рождения и о службе в советской армии, которой он обманул и эмиграционные власти и работников нашего ведомства, политическое значение не имеет и совершенно неподсудительна, так как эта легенда сложилась под влиянием известных обстоятельств.

Общий вывод: Данный субъект представляет собой очень ценного и надежного работника для нашего ведомства.

30 октября 1958 г.

А.А.Р.

DECLASSIFIED AND RELEASED BY
CENTRAL INTELLIGENCE AGENCY
SOURCES METHODS EXEMPTION 3B2B
NAZI WAR CRIMES DISCLOSURE ACT
DATE 2004 2005

СЕКРЕТНО.

Возможные контрольные вопросы для полиграфа.

1. Остались ли в Советском Союзе другие ваши близкие родственники, кроме сестры СУРЕТ?
2. После вашей эвакуации пытались ли вы установить связь с вашей сестрой СУРЕТ лично, через почту или через других людей?
3. Остались ли в Советском Союзе или на вашей родине ваши близкие друзья?
4. После вашей эвакуации пытались ли вы установить связь с вашими друзьями на вашей родине лично, через почту или через других людей?
5. Находясь в Италии в период вашей эвакуации, имели ли вы там связи с итальянскими коммунистами?
6. В период нахождения в Италии, в вашей группе черкесов велась ли пропаганда за возвращение на родину?
7. Находясь в Иордании, встречались ли вы там с местными коммунистами или с советскими представителями?
8. Находясь в эмиграции, приходилось ли вам слышать что либо о советской пропаганде за возвращение на родину?
9. Находясь в эмиграции, приходилось ли вам слышать советские радиопередачи?
10. Возникло ли у вас когда либо желание возвратиться на родину при советской власти?
11. Находясь в Соединенных Штатах Америки, встречались ли вы с местными коммунистами?
12. Находясь в Соединенных Штатах Америки, встречались ли вы с коммунистическими пропагандистами, с советскими тайными агентами или с советскими официальными представителями?
13. В период нахождения в эмиграции, не делала ли советская разведка попыток завербовать вас в свою разведывательную сеть за границей?
14. Не делала ли советская разведка попыток завербовать в свою разведывательную сеть кого-либо из ваших друзей черкесов? Знаете ли вы о таких случаях?
15. В вашей автобиографии для американских властей вы в свое время включили ложные сведения. Сделали ли вы это с тайными преступными замыслами?
16. Не включили ли вы в свою автобиографию ложные сведения в силу необходимости или в силу сложившихся обстоятельств, то есть без злого умысла?

СЕКРЕТНО.

1.

БИОГРАФИЯ ИММИГРАНТА.

СООБЩЕНИЕ ЧЕРЕМ ТУОВИЧ.

1. Социальное положение моих родителей и моих близких родственников.

1/- Мой отец, СООБЩИКОВ Ту Дамирович. Его год рождения я точно не знаю, но приблизительно 1870-1873 года рождения. Национальность черкес. Наша семья всегда проживала в ауле Тактамукай / теперь это районный центр / Адыгейской автономной области РСФСР. Отец имел приблизительно 50 гектаров земли и был крестьянином. Возделывались табак и пшеница. Кроме того, у отца был конский питомник по разведению стрелковых и кавалерийских лошадей - небольшой табун, имелось 6-7 коров, и до сотни голов овец. Применялась наемная рабочая сила. По советским понятиям, такое хозяйство должно относиться к кулацкому и позже действительно было раскулачено. Мой отец никогда не занимал никаких административных должностей и до советской власти никаким преследованиям не подвергался.

При советской власти, вплоть до 1930 года от отца принудительно отбирались кавалерийские лошади.

В 1930 году, когда была объявлена сплошная коллективизация, среди населения распространялся слух, что в колхозах черкесы должны спать под одним одеялом и жить в одной общей казарме. Население шести крупных сел решил устроить поход на Краснодар, чтобы с помощью и топорами не допустить коллективизации. В этом походе участвовал и мой отец. На берегу реки Кубани шествие было остановлено. Женщин отправляли по домам, а мужчин всех арестовали, в том числе и моего отца. Некоторые из участников были освобождены через несколько недель, а моего отца держали в тюрьме около года, после чего освободили в 1931 году.

Когда отец вернулся из тюрьмы, то в нашем ауле уже был организован колхоз: колхозу были переданы наша земля, скот, сарай для сушения табака и два скотные сарая, которые были сломаны и доски вывезены. Для нашей семьи была оставлена только одна корова. Однако, наша семья в колхоз не была принята. Значит, это был прямой акт раскулачивания. В колхоз на все же приняли в 1933 году, но работать там могли только отец и мать.

3 старика нашего колхоза, в том числе и мой отец были ответственными за выращивание пшеницы и за правильность посевов. Они в 1936 году произвели посев не сеялками, а вручную, при чем пшеница почему то не взошла. Стариков обвинили во вредительстве и все трое были арестованы. Отец сидел в тюрьме до 1938 года. В этот период времени я и мать числились в колхозе. В 1938 году отец вернулся из тюрьмы и снова начал работать в колхозе, но уже в роли рядового колхозника.

В 1942 году, когда немецкие войска отступили и вернулись советские, то первыми в наше село ворвались ^{советские} местные партизаны. В их числе был один партизан черкес ПЕТРУШ Темрук. Он сразу же арестовал трех стариков, в том числе моего отца и у колхозного амбара их расстрелял, по обвинению этих стариков в оказании помощи немцам. Эта помощь фактически заключалась в том, что эти три старика производили сбор денег среди местного населения для устройства праздника в честь двух немецких генералов в период немецкой оккупации. Меня тогда дома не было и о расстреле моего отца я узнал позже.

- 2/- Моя мать Дедди Кураш была моим отцом лет на 6-7. Арестам она не подвергалась. Связь моя с матерью прекратилась с момента моей эвакуации вместе с отступающими немцами, т.е. с февраля или марта 1943 г. С тех пор никаких сведений о матери не имел. Много позже через других знакомых черкесов я узнал, что мать умерла в 1947 году.
- 3/- Мои братья и сестры. Всего у нас в семье было 6 сестер и 4 брата. Из них 5 сестер и 2 брата умерли. Одна взрослая сестра умерла приблизительно в 1928-29 году во время родов. Остальные умерли в 1921 году от холеры. Мать мне говорила, что холера опустошила нашу семью. Это произошло до моего рождения, а потому я деталей об этой смерти не знаю. От двух умерших сестер остался по ребенку: от одной - сын Махмуд, а от другой ~~Махмуд~~ - Кадербеч. Последний был старше меня.
- 4/- Живой брат СООБДКОВ Мос. Его дата рождения - 12 декабря 1908 года. Он жил в составе семьи до 1931 года.

В 1931 году, когда отец вернулся из тюрьмы, ~~мы~~ (заяв от отца официальный раздел и порвал с семьей, чтобы заслужить доверие советских властей. Раздела имущества не было, так как никакого имущества в семье уже не было. Он уехал в Краснодар и там работал слесарем на гвоздильном заводе. Там же в 1932 году он вступил в члены партии.

В 1935 году он прибыл в наш аул и был назначен на должность председателя колхоза. Жил в нашем ауле отдельно от нашей семьи и связи с семьей старался не поддерживать. По указанной должности в 1936 году он был обвинен в злоупотреблении властью и осужден на 2 года тюрьмы за то, что не выполнил плана сдачи зерна государству по контракту. Это значило, что норма сдачи зерна государству была выполнена, но из излишков государству не было продано. Эти излишки были разделены между колхозниками: было выдано по 2,5 килограмма зерна на трудодень. Брат отбывал наказание сначала в Краснодарской тюрьме, а потом там же в исправительно-трудовой колонии. В 1937 году, когда началась известная "Ежовщина" и начались массовые аресты, брата забрали из трудовой колонии и перевели в следственную тюрьму областного управления НКВД в городе Майкоп. Для этого послужила следующая причина. Старый эмигрант черкес Кили Гирей, проживавший за границей, написал своим родственникам письмо через Турцию, в котором имелась фраза: "Бог даст, мы когданибудь вернемся и тогда увидимся". Это письмо стало известно НКВД и начальнику областного управления НКВД Долгоплатов указанные слова истолковал в том смысле, что ведется подготовка к свержению советского режима и эмиграция ждет своего возвращения на родину. Начались массовые аресты. Трудно было найти семью, где не было бы арестованных. Все тюрьмы были переполнены. Моего брата тоже привели к этому расследованию. Следствие велось до 1938 года, после чего сам Долгоплатов был арестован, как "враг народа", а арестованных начали освобождать. Освободили и брата. Несколько месяцев он оставался безработным. Он просил о восстановлении его в партии, но это ему не удалось. Потом он был назначен председателем Сельпо нашего сельсовета. В конце 1938 года по этой должности его снова арестовали за то, что двух разоблаченных растратчиков Сельпо он вовремя не отдал под суд за растрату. По статье 111-й уголовного кодекса, то есть за халатное отношение к своим обязанностям, он был осужден на полтора года тюремного заключения.

В конце 1939 года он был освобожден. После этого он был принят на работу в Дорострой нашего района. В начале 1941 года он снова был арестован и находился под следствием в тюрьме Краснодарского НКВД. В чем он обвинялся - мне не известно.

Не задолго до начала войны он был освобожден без передачи в суд и он снова поступил на свою старую работу в Дорострой. Работал там до начала войны. После этого его история протекала вместе со мной.

СЕКРЕТНО.

3.

5/- Сестра Сурет, а по мужу ТЛЕЩЕРИШЕ, приблизительно, 1921 года рождения. В составе нашей семьи она жила до 1938 или 1939 года, после чего она вышла замуж за ветеринарного врача нашего района Били ТЛЕЩЕРИШЕ. Сразу после начала войны он был мобилизован в армию, при чем ему было присвоено звание капитана ветеринарной службы. Осенью 1941 года из Краснодара он приехал в наш аул в отпуск. После этого никаких сведений о нем я не имел. В 1957 году через переписку моих друзей черкесов мне стало известно, что сестра продолжала жить в нашем ауле. Установить о ней переписку я не пытался.

Других близких родственников на Кавказе я не имею. После моей эвакуации с немцами я ни с кем письменной связи не поддерживал.

Моя личная история.

Мои детские годы.

Я родился 24 августа 1924 года в нашем ауле Тахтамукай / районный центр / Адыгейской автономной области РСФСР. Жил при родителях. В 1930 году или в 1931 году я поступил в местную школу семилетку и учился до 1939 года. Во втором классе сидел два года. В 1938 году эта школа стала 10-летней и я окончил 8 классов.

С весны 1939 года, по окончании 8-го класса я поступил на работу в наш колхоз в качестве канцеляриста бухгалтерии при правлении колхоза. Моей обязанностью было записывать трудодни в колхозные книжки. За это я получал по 0,75 трудодня за каждый рабочий день. Кончать школу 10-летку я уже не хотел. Я мечтал поскорее поступить в армию, так как мне военная форма очень нравилась. Я также знал, что наши односельчане, отслужив в армии, получали более хорошие должности.

Секретарем нашего сельсовета работал дальний родственник моей матери ДЕМЫ ДОЛИ. Я его уговорил, чтобы он изменил мой год рождения на 1921 год и включил бы меня в список призывников 1940 года, что тот и сделал. Поэтому я подлежал призыву в армию осенью 1940 года. Однако, до явки на призывную комиссию я неожиданно оказался арестован и осужден. Вместе с двумя другими призывниками, в пьяном виде в советской столовой на офицантку я выругался нецензурными словами. По статье 74 уголовного кодекса часть 1-я всех нас троих народный судил за хулиганство на один год лишения свободы. После этого 1-2 недели мы сидели в транзитной тюрьме в Краснодаре, после чего большую партию осужденных, и меня в том числе, направили в район Белостока на строительство военного аэродрома. Там мы работали до самого начала войны.

Дезертирство и бегство домой.

22 июня 1941 года, когда стало известно о начале войны, наш лагерь заключенных разбудили в 4 часа утра и погнали в неизвестном направлении. Шли без отдыха два дня. На второй день заключенных разбили на две группы. Малорочников-бытовиков, то есть осужденных на короткие сроки за бытовые преступления, отделили от политических осужденных. Нашей группе "бытовиков" предложили двигаться в г. Смоленск, чтобы быть там призванными в армию для защиты родины. Когда мы туда двигались, охраны почти не было, а к концу похода охраны не осталось вовсе. Пришли в лагерь в 4-х километрах от Смоленска. Нам выдавали справки о досрочной освобождении, так как справки уже были заготовлены. Я явился в лагерь с последними колоннами и когда спросил дать мою справку, то оказалось, что ее кто-то другой уже получил. Не смотря на это, мне написали второй экземпляр.

С этими справками о досрочном освобождении все мы должны были идти в Смоленск и явиться в военкомат, чтобы быть мобилизованными в армию. Этого я не сделал: я поехал домой на Кавказ.

Назад через две после моего возвращения домой к нам пришел наш односельчанин Махмуд ГУЧЕТИ, который до начала войны тоже был осужден на 5 или на 6 лет к тому же работам по строительству аэродрома около Белостока. Он не был заключенным-краткосрочником, а потому не мог быть освобожден досрочно. Справки на освобождение ему не дали бы. Чтобы освободиться, он привозил себе мое имя и получил мою справку и мог уехать домой. Таким образом, по документам он стал моим двойником. Явившись в наш дом, он мне заявил, чтобы я его не выдавал, что он поедет в Краснодар и там получит паспорт на мое имя и будет жить под моей фамилией и не являться в нашем ауле. Я согласился.

Период нахождения в рабочем батальоне.

До осени 1941 года я оставался дома и нигде не работал. В сентябре или октябре 1941 г. все трудоспособную молодежь нашего села мобилизовали в рабочие батальоны, в том числе меня и моего брата МОС. Всех нас отправили в станцию Динская на Кубани. Нам не выдали ни обмундирования, ни оружия. Мы должны были строить укрепления. Сначала работали около города Багайюка около Ростова на Дону. Строили рвы и доты. Стройки и постепенно отступали всю зиму. К весне 1942 года мы были уже около Армавира. Разнеслись слухи, что всех нас отправят на строительство укреплений в Крыму. Этого я не хотел. Из Армавира я дезертировал и явился домой. Скрывался в лесу и к матери приходил только по ночам. Этот образ жизни продолжался до прихода немецких войск, то есть до августа 1942 года.

Период жизни при немецкой оккупации.

В августе 1942 года немцы оккупировали нашу Адыгейскую автономную область и вскоре в нашем районе немцы организовали новую гражданскую администрацию. Немцы ориентировались на совет стариков, так как они поддерживали немцев с большим энтузиазмом. По рекомендации совета стариков начальником района был утвержден мой будущий тесть-отец моей будущей жены. Он пользовался у немцев большим авторитетом и на эту должность он был прислан к нам из другого района. При советской власти он работал заведом местной Водохраны, всегда оставался беспартийным.

По рекомендации совета стариков меня утвердили начальником местной хандармерии. Меня пригласили на заседание совета стариков и немец посмотрел на меня с недоверием, считая меня слишком молодым для такой должности. Я сказал, что я рождения 1918 года. После этого я был утвержден на этой должности и был подчинен непосредственно начальнику района / или бургомастеру /- моему будущему тестю.

В мои обязанности входило:

- 1/- Вести борьбу с советскими партизанами,
- 2/- выявлять лиц, поддерживающих связи с советскими партизанами,
- 3/- не допускать переправки продовольствия советским партизанам,
- 4/- помогать немцам по выполнению реквизиций сена и корма для лошадей,
- 5/- производить обыски среди местного населения для обнаружения спрятанного обмундирования советских военнослужащих. Эти советские военные формы были нужны немцам.
- 6/- Поддерживать общий порядок в ауле.

Всего нами было поймано 8 советских партизан и все они были переданы немцам. В нашем ауле оставалось несколько семей русских, главным образом семьи работников банковских и из финансовых. Была опасность, что эти русские семьи могут поддерживать тайные связи с советскими партизанами. Поэтому местная хандармерия должна была их выселить. На этой должности я оставался до января 1943 года.

Период моей службы в немецкой армии.

В середине января 1943 года я добровольно поступил в немецкую армию и был зачислен в 835-й батальон, сформированный из бывших военнопленных кавказцев. Батальон стоял в обороне в станице Калужинская Краснодарского края. Командиром батальона был немецкий капитан Крушаник, а командиром 1-й роты, куда я был зачислен, был черкес из нашего аула ДЗЭПШ ТУТВЗ. / Мне известно, что в настоящее время он находится в Турции и собирается эмигрировать в Америку /.

В присутствии ТУТВЗА я заявил командиру батальона, что я окончил советское военное училище в Орджоникидзе, что служил в советской армии в звании лейтенанта и что из советской армии я дезертировал. ТУТВЗ знал, что это неправда, однако это подтвердил и по его рекомендации я был назначен на должность командира взвода разведки в звании "лут-фюрера". В станице Калужинская наш батальон стоял до февраля 1943 года. После этого началось по всему фронту наступление советских войск и немецкая линия обороны начала отступать. Мы вели бои в районе нашего аула, в районе Краснодара и в других пунктах вплоть до Кубанского передового укрепления, то есть на оборонительной линии вдоль реки Кубани. Оборону на этой линии держали до августа 1943 года.

В августе 43 г. я был ранен в правое плечо и отправлен в немецкий военный госпиталь в городе Мелитополь. В этом госпитале я оставался до октября или ноября 1943 г.

После выписки из госпиталя я был направлен в северо-кавказский легесн, который в то время формировался около Варшавы. / в 20 минутах езды на электричке /. До января 1944 года я находился в составе этого легесна. В январе меня откомандировали в Бергман батальон, тоже сформированный из кавказцев и занимавший позицию около города Николева. Туда я и выехал, имея на руках мой "марш-бефель".

Участие в эвакуации кавказских гражданских беженцев.

По прибытии в город Одесса я регистрировался в немецкой комендатуре, чтобы получить место для ночлега. При выходе из комендатуры я встретил немецкого генерал-лейтенанта фон-Ферстера, которого я лично знал: в период занятия нашего аула он был приглашен на праздник и был встречен с почетом. Я рассказал ему об этом и он пригласил пойти к нему в штаб на следующий день. Когда я к нему явился, то он мне обещал следующее: в Одессе находится масса кавказских беженцев в количестве до 3,000 человек, главным образом черкесов и кабардинцев. Этот эшелон на подводах движется с Кавказа и должен ехать через Румынию, но румынские власти не хотят его пропустить через свою страну без военного немецкого сопровождения. Поэтому необходим такой военный сопровождающий, который бы говорил и по-кавказски, и по-немецки. Роль такого сопровождающего фон-Ферстер возложил на меня, а тот "марш-бефель", который я имел, он отменил. Такое назначение мне нравилось и я на него охотно согласился. Мне выдали соответствующий новый "марш-бефель". Одновременно был отдан приказ по всем немецким военным комендатурам в Румынии оказывать содействие по переезду нашего эшелона через Румынию, то есть обеспечивать продовольствием и расквартированием. Когда я явился в этот эшелон, то среди беженцев я встретил много знакомых, в том числе моего брата, моего будущего тестя и мою будущую жену - его дочь, на которой я и женился в пути следования в 1944 году. Эшелон состоял приблизительно из 800 подвод.

В течение февраля и марта 1944 года я сопровождал этот эшелон через Констанцу. К концу месяца добрались до Плоешти. В апреле 1944 г. я женился на беженке ГОШНАЛО ДЖАМИРЗЕ, которая тоже ехала в нашем эшелоне. Это черкешенка 1926 года рождения, из аула Пчегатлукай Понажукаевского района Адыгейской автономной области.

Период работы в качестве вербовщика кавказцев в немецкую армию.

В Пюшети вдруг был получен приказ немецкого командования от нашего эшелона отбрать-реквизировать лошадей и подводы для нужд немецкой армии. Это был тяжелый удар для всего эшелона беженцев. С таким решением я придраться не мог и решил отказаться от роли сопровождающего. Я взял справку брата о его болезни / он был болен туберкулезом / и потребовал моего освобождения, выдав таким образом болезнь брата за свою. Немецкий комендант выдал мне "март-бефель" на 5 человек с направлением нас в Берлин в штаб добровольных войск. В нашу группу входили, кроме меня, мой брат, моя жена и три моих односельчан, которых я, будто бы тоже брах в добровольческую армию.

В начале июня или июля 1944 г. мы прибыли в Берлин, где я являлся в северо-кавказский комитет и устроил наительство моих спутников. После этого я пришел в штаб добровольных войск и там виделся с генерал-майором Хайдендорфом / который в настоящее время находится в западной Германии /. Он предложил мне должность вербовщика кавказцев добровольцев для северо-кавказского легиона. Все завербованные должны были направляться в какое-то местечко около Варшавы. Вербовка должна была вестись в лагерях Австрии, Венгрии и Чехо-Словакии.

С этим заданием и с соответствующим "март-бефель", забрав свою группу из 4 человек, я прибыл в августе или сентябре 1944 года в Венгрию. Там работал полтора месяца. Я был в Вене, Граце, но в Чехо-Словакию не поехал. Завербовать никого не удалось, так как для всех было ясно, что война идет к полному поражению Германии. Не достигнув никаких результатов, в конце 1944 года я оставил в Венгрии мою группу и вернулся в Берлин. Тому же генералу Хайдендорфу я доложил о неуспехе моей миссии и он был очень недоволен. Предложил зайти к нему на следующий день. Однако, к нему я больше не показывался.

В северо-кавказском комитете я встретил полковника Улагая. Это черкес по национальности и бывший полковник царской армии. Позже он играл важную роль в Албании. В данное время он был полковником войск "СС" в должности командира формируемой дивизии СС. Его непосредственным начальником был немец "штандартен-фюрер СС" Тейерман. Последний обещал позвонить моему бывшему начальнику Хайдендорфу и сообщить, что я зачислен в войска СС. Поэтому Хайдендорф меня больше не беспокоил.

С согласия Тейермана Улагая зачислил меня в число "Ваффе-СС" в чине обер-штурм-фюрера по должности уполномоченного по вербовке кавказцев в данную дивизию. В этой дивизии таких вербовщиков было очень много. Из них я знал: ПАРМАНОВА / который в настоящее время находится в Турции / и БЕДАНКОВА / который позже был выдан советским властям /. Мне снова была дана задача производить вербовку в Австрии и Венгрии.

Прибыв в Австрию, в местечке Ларко-Копфа я открыл мою официальную контору по вербовке. Сотрудниками числились мой помощник, жена и 3 других черкеса из моей постоянной группы. Кроме того, было привлечено несколько человек на штатных сотрудников, которые фактически занимались спекуляцией: они переправляли сигареты из Венгрии в Австрию. Вербовка фактически не производилась, так как добровольцев не находилось. Там наша группа оставалась до конца марта 1945 года.

Бегство нашей группы в Австрию.

В марте месяце 1945 года началось массовое отступление немецких войск. Я со своей группой из 5 человек решил бежать в Австрию в город Виллах, где должен был находиться мой тесть. В пути туда моя жена родила ребенка. Остановились в 10 километрах от Виллаха в селе Ньедорф. Там мы узнали, что СС-дивизия Улагая переехала в Италию и стояла в городе Полудца. Мы решили туда не идти, а ожидать окончания войны.

СЕКРЕТНО.

7.

Наша дивизия СС, а вместе с ней и многие беженцы из Италии выехали в Австрию и разместились в Драхбург. В конце апреля 1945 г. туда же выехала и наша группа. Мой тесть остался в Виллах.

История нашего бегства в Италию.

Обер

В мае 1945 г. состоялась немецкая капитуляция. В нашем лагере в Драхбурге сидело до 10,000 человек беженцев. Это был северо-кавказский сборный пункт. 1 мая появились первые английские военные мотоциклисты. Разнеслись слухи, что англичане будут выдавать русским всех бывших советских граждан. Чтобы избежать этой опасности, был избран инициативный комитет, в который входили, кроме меня, следующие лица:

- 1/- Долгачерий Талкешер - бывший президент Кабардино-Балкарии во время немецкой оккупации. Позже он был выдан советам.
- 2/- Нух Паваш - бывший бургомистер Понешукаевского района Адыгейской области. Он позже эмигрировал в Англию.
- 3/- Луис Сомакс - бывший член комитета кавказских беженцев на Украине и в Белоруссии. Эмигрировал в США.
- 4/- Суфь Луано - мullah черкесской колонии. Был выдан советчикам.
- 5/- Дзан, фамилия его не помню - один из почетных стариков. Был выдан советчикам.

Под руководством Талкешера эта группа разработала план: лагерь расколоть и беженцам расселиться в разных местах группами по 100-200 человек с той целью, чтобы в случае начала выдачи советам, другие могли об этом заранее узнать и скрыться. На этот счет мы вели соответствующую пропаганду. Англичане об этом узнали и вся наша инициативная группа была арестована, я в том числе. Меня, как бывшего военного сразу же отправляли в лагерь для военнопленных в Шпиталь, а остальных арестованных содержали в лагере под охраной.

Бывших военнопленных из лагеря, в который я был доставлен, начали на грузовиках вывозить в Италию. Советские репатриционные офицеры в этом лагере вели усиленную пропаганду за репатриацию и за возвращение на родину. Создавалась опасность выдачи. Я решил из этого лагеря уехать. Для отправки в Италию люди грузились в машины без всяких опусков, а потому мне труда не оставило при очередной отправке сесть в такую машину и выехать из лагеря. Когда машины шли через Виллах и когда наша машина проезжала мимо одной кирпичной стены, я выскочил из машины и перескочил через стену. Охрана, которая ехала на 15 машин позади, моего исчезновения не заметила. Машины ушли. За стеной во дворе ко мне подошла немка и я ей рассказал, кто я такой и что я бежал из конвола. Она повела меня к себе, дала мне гражданский костюм, а я ей отдал свою военную форму и сапоги. Переоделся и ушел. Мой тесть в Виллахе жил в Парк-отеле, но там его не оказалось. Я оказался в безвыходном положении. В тот же день меня случайно встретил мой знакомый грек Ярка, который до войны жил в 6 километрах от нашего аула. Тоже бежал с родины вместе с другими беженцами. В Германии он работал у бауэра. Жил в рабочем лагере около Виллах. Он взял меня к себе и познакомил меня с другими такими же беженцами тоже греками, депортированными из Греции. Ярка также сказал мне, что мой тесть из Виллаха переехал в Дизерхофен в нескольких километрах от Шпитала и на следующий день свел меня туда. Тесть там жил в лагере для восточных рабочих. У тестя я оставался 3 дня. Мы с ним решили, что мою жену из лагеря Обер-Драхбург нужно перевести сюда к нам. За женой мы направили одну восточную работницу, украинку. На 3-й день она доставила к нам мою жену и ребенка. Когда черкесы в лагере Обер-Драхбурга узнали, где мы находимся, то целая группа в 40 человек бежала из лагеря и все явились к нам. На 4-5-й день все мы решили уйти в Виллах, так как там была большая группа греков. Мы предполагали выдать себя за греков и репатрироваться в Грецию. Так мы и поступили.

(греки)

В местной немецкой "Арбайтс-Амт" в Виллах (имели одну знакомую австрийку, которая за взятку могла оказывать различные услуги по выдаче справок. С ней установили связь и за 500 марок она согласилась заготовить для каждого участника нашей группы справку такого содержания: "Грек такой то действительно работал по назначению Арбайтс-Амта, как "Ост-арбайтер" на станции Вена. Получив эти справки на всю нашу группу, я (нами явился в Британский красный крест и там получил разрешение выехать в Италию, в город Бари, где находился греческий консул. Это разрешение от красного креста нужно было еще представить в британскую военную полицию, в орган, называемый F53-42..... Это я сделал и на документе какой то сержант сделал соответствующую отметку. С этими документами мы могли выехать в Италию.

Поиски возможностей эмиграции в какую либо страну.

Приблизительно, в мае 1945 года вся наша группа прибыла в Италию в город Бари, в том числе мои брат, тестя, жена и грек Црка. Когда я обратился к греческому консулу с вопросом о въезде в Грецию, то он сразу же установил, что мы греческого языка не знаем, а следовательно и не были никогда в Греции. Прямо мне он не отказал, но обещал оделать запрос своему правительству. Мы представили наши анкеты. Примерно через месяц мы получили решительный отказ.

Приблизительно в августе 1945 года вся наша группа выехала в Неаполь, чтобы просить турецкого консула об эмиграции в Турцию, но в этом консульстве со мной и разговаривать не стали, так как подобного рода просьбы были очень много и всем было отказано. Однако, турки нам посоветовали обратиться с просьбой в турецкой посольство в Риме. Я обратился и туда, но и там отказали. Группа оказалась в безвыходном положении. Оставшись под деревом около катакомб и там устроили ночлег.

На следующий день на рыночном базаре я встретил одного русского спекулянта. От него я узнал, что в Италии нам бояться нечего, что Ватикан беженцам много помогает и что в Риме имеется специальный дом для таких беженцев. Однако, в этом доме для нас места не нашлось и мы поселились у одного итальянца. Мне с женой и с ребенком удалось получить комнату. Адрес: *Cecilia Metella, 3*. Там мы оставались около двух месяцев. Врата мне удалось поместить в туберкулезный санаторий.

Право на проживание для иностранцев я получил в римской полиции. Эти документы нам сначала выдавались временные, а позже был выдан постоянный документ. Этот документ я имею до сих пор.

В ноябре месяца 1945 г. я переехал на отдельную квартиру по адресу: *Via Appia Antica, 82* и там жил до октября 1947 года.

Весь этот период многие беженцы в Италии занимались спекуляцией и я в том числе.

В 1947 году начала возрастать опасность захвата власти в Италии коммунистами. Для нас беженцев это могло представлять большую опасность. Поэтому я начал энергично искать возможностей эмиграции в какую либо нейтральную страну. Я обратился к различным консульствам: Венесуэлы, Аргентины, Парагвая, Швейцарии, но нигде успеха не имел.

В октябре 1947 года наша группа уполномочила меня и выдала специальное удостоверение как уполномоченному от группы беженцев о правом поездки в Египет, чтобы там просить разрешения для нашей группы на эмиграцию. Указанное удостоверение было заверено в итальянском красном кресте. На этом основании от египетского консула я получил разрешение на поездку в Египет. В Египте принять беженцев черкесов также отказали. В Каире я обратился за помощью к шейфу мусульманских братьев Ласану Вейна, который мне посоветовал попытаться эмигрировать в Иордан, так как там уже была большая черкесская колония в количестве до 10,000 черкесов. Его совета я послушался.

СЕКРЕТНО.

9.

От иорданского консула в Каире я получил разрешение на поездку в Иордан и выехал в Амаан. Там министром внутренних дел был черкес. Он принял меня и, узнав в чем дело, сразу же повел меня к королю Абдулле. Король выслушал мой доклад и просьбу об иммиграции и согласился принять всю мою группу. На этот счет был издан специальный декрет. В Амаане явился в черкесскую колонию и среди местных черкесов произвел сбор денег для переезда всей моей группы из Италии в Иордан. Собрал 2950 иорданских динаров, чего было достаточно. В пароходном обществе "Адриатика" я уплатил за проезд всей нашей группы и вернулся в Рим. Это было в ноябре 1947 года.

Период проживания в Иордане.

По прибытии в Рим в британском консульстве я получил визы для въезда в Иордан. В конце декабря 1947 года моя группа в количестве 67 человек прибыла в Хайфу, а оттуда в Амаан. Там наша группа и поселилась. Я поселился в доме черкеса Хамаль Вей Дамбек. До февраля или марта 1948 года я ничего не делал и указанный черкес кормил меня.

В феврале или марте 1948 года я поступил на работу в Драк-Петролум компанию в селе Мафрак на должность агента по закупкам продовольствия. Там работал до декабря 1949 года. Был уволен в виду окончания работ.

С 17 января 1950 года по 16 апреля 1952 года я работал в городском управлении города Амаана в должности контролера над рабочими. Был уволен по причине упреждения моей должности.

С 16 апреля до середины 1953 года оставался безработным.

С середины 1953 года был снова принят на мою последнюю должность и там работал до 1 июня 1955 года.

В период моей безработицы мне удалось выдать себя за палестинского беженца и на этом основываясь я получал продовольственную помощь от УНРА.

В течение всего периода моего пребывания в Иордане мне не приходилось встречаться с коммунистическими элементами, но встречались просоветские настроения. Черкесская молодежь мечтала о возвращении на Кавказ на свою родину. Они группами приходили ко мне, как к человеку с Кавказа и расспрашивали все детали о своей родине.

Был случай, когда я был приглашен в гости к заместителю начальника паспортного отдела города Амаана Джаудет Хатыб. На этой должности он оставался до последнего времени. Он мне показал номер журнала, изданного англичанами во время войны, в котором имелся портрет Сталина, снимок московского первомайского парада с членами советского правительства на мавзолее Ленина. Хозяин с похвалой отзывался о героической борьбе советского народа против Гитлера. Это мне не могло понравиться. Наряду с такими настроениями хозяина, у него в доме вовсе не оказалось портрета его собственного короля. На все это я ему сказал:

"Если вы настоящий черкес, то вы обязаны ненавидеть не только коммунизм, но и русский народ в целом, так как русский народ всегда оставался врагом моего народа и моей родины. Русская царская империя силой захватила Кавказ и уничтожила нашу свободу, а теперь большевизм или коммунизм загоняет наш народ в гроб. Вы сами являетесь выходцами с нашей родины, сами вы бежали от русской оккупации. Поэтому вы не должны питать никакого чувства симпатии ни к коммунизму, ни к русскому народу."

После этого я не поддерживал с ним дружбы.

Я старался рассеять увлечения среди черкесов советскими картинками. Я писал антикоммунистические статьи в местной печати, например, в арабскую газету "Ордун" и в армянский ежемесячный журнал. С февраля 1952 года я был выбран уполномоченным по Иордану Северо-Кавказского Национального Комитета в Мюнхене. Документ, уполномочивающий меня на это, у меня сохранился.

В июне 1952 года, по моей рекомендации, на должность Уполномоченного по Иордану был выдвинут и утвержден местный иорданский черкес УОСЕЙ Бей Мирза, который тогда и до последнего времени был черкесским представителем в Иордании. Он был утвержден в должности уполномоченного, как авторитетный представитель. Оставаясь в роли его помощника, я фактически выполнял всю работу по этой должности. Основная обязанность такого уполномоченного - вести антикоммунистическую пропаганду не только по Иордану, но и по другим мусульманским странам.

Мои поездки из Иордана за границу.

В период моего нахождения в Иордане 3 или 4 раза я ездил в Бейрут / Ливан /: возил туда моего брата, больного туберкулезом, чтобы поместить его там в туберкулезную санаторию Баханес. Иногда брат оставался там недели по 2, а иногда сразу же возвращался, боясь умереть там без своих родных. В 1953 или 1954 году в Аммане, во французском госпитале брату вырезали правое легкое. В настоящее время он чувствует себя лучше и собирается выехать в США.

Мои поездки в Ливан и совершал через Сирию и в одном случае делал остановку в Дамаске, так как брат начинал харкать кровью и продолжать путь было опасно.

Период моего пребывания в Соединенных Штатах Америки.

26 июня 1955 года я иммигрировал в США вместе с женой и двумя детьми. Мы поселились в г. Патерсон Нью-Джерси и до августа того же года я нигде не работал. Был по адресу: Норд стрит 3, 47. Там имеется сильная черкесская колония, которая мне помогла первое время. Я имел сбережений 800 долларов.

В августе 1955 г. я получил должность продавца мебели фирмы "Пионер-Форничер компани" в городе Клифтоне. Зарабатывал 55 долларов в неделю. Эта работа успеха не имела.

В сентябре 1955 г. поступил на работу в ф-ишу "ТОТОВА-МОТОРС": ночью мыл автомашины, а полдня работал как продавец машин.

С конца октября или с начала ноября 1955 г. и до февраля 1956 г. я находился на излечении, так как в результате автомобильной аварии я получил повреждение спинного хряща или диска. Лечился в Патерсоне Нью-Джерси у доктора Мартина Неймрова.

С февраля 1956 года я начал учиться специальности страхового агента и в начале марта того же года сдал экзамен для работы в штатах Нью-Йорк и Нью-Джерси. Получил должность в агентстве Ричард Е. Майер общества "Миктуел" в Нью-Йорке. На этой работе оставался до 29 июня 1958 года.

В течении этого периода времени имел перерывы в работе:

- 1/- С февраля по август 1957 г. находился в форте МТ.
- 2/- С октября по 31 декабря 1957 г. находился в Иордании с заданием по изучению местного торгового рынка.

Состав моей семьи: Кроме жены, о которой указано выше, я имел детей:

- 1/- Сын Каабек, родившийся в Австрии 1 апреля 1945 года.
 - 2/- Дочь/Сузанна родившаяся в Патерсоне 3 июня 1956 года.
 - 3/- Дочь Сарра, родившаяся в Марфак / Иордания / 10 июня 1949 года.
 - 4/- Сын Аслан, родившийся в Патерсоне 31 октября 1957 года.
- С 20 августа 1958 года моя жена начала работать на конвейере в "Гинверсал МТГ Ко", по адресу: 29 Е. 6 стрит Патерсон

История моего вымысла, который я применял в моей автобиографии.

Была желаемая моя биография является истинной. В ней никакого вымысла нет. Однако, до недавнего прошлого вымысел я применял. История его такова:

- 1/- В 1940 году, при помощи моего дальнего родственника - секретаря нашего сельсовета, я изменил мой год рождения на 1921, чтобы быть призванным в советскую армию на 3 года раньше. На этом основании я подлежал призыву и был включен в списки призывников 1940 г., хотя призванным не был, так как до начала призыва я был арестован. Этого вымысла я больше не применял.
- 2/- В августе 1942 года, во время немецкой оккупации, по рекомендации совета стариков нашего аула, я был назначен на должность начальника хандармерии нашего аула. Получить такую должность мне удалось только потому, что немцы я назвал год моего рождения 1918 год.
- 3/- В январе 1943 года, поступая добровольцем в добровольческий 835-й батальон, я применил вымысел о том, что я окончил военное училище в городе Орджоникидзе и служил в советской армии в звании лейтенанта. На этом основании, при зачислении меня в 835-й батальон, меня сразу же назначили командиром взвода разведки в звании "чут-фрера".

На основании этого вымысла немецкое командование ценило меня достаточно высоко и мне удавалось занимать ответственные должности. Другими словами, примененный мною вымысел, на все время службы у немцев, гарантировал мне более высокое служебное положение.

Все это значило, что применявшийся мною вымысел сложился, так сказать, исторически.

- 4/- Ту же самую легенду я применил в моих документах на эмиграцию в США. Отказаться от старого вымысла было трудно, тем более, что этот мой вымысел был известен многим моим знакомым и соотечественникам.
- 5/- Тот же вымысел я применил в беседе с американским представителем - пресс-атташе в Амане. Вымысел уже был применен в моих документах американскому консулу, а потому я не мог от него отказаться при беседе с пресс-атташе.
- 6/- Эмигрировав в США, я вынужден был применять тот же вымысел, в том числе и перед работниками нашего ведомства. Всего я повторял этот вымысел раза 4, а мой вымышленный год рождения 1918 повторял всегда, когда это было необходимо. По прибытии в форт МИТ я боялся сказать правду, опасаясь депортации. Я знал, что я поступаю нечестно, но я утешал себя мыслью, что мой вымысел не продиктован никакими злыми намерениями и делу не вредит.

Когда мне было необходимо указать размер зарплаты, которую я до войны получал по должности лейтенанта в советской армии, то я об этом не имел никакого понятия и назвал цифру в 2,600 рублей. Как оказалось позже, эта цифра была преувеличена в 4-5 раз.

Фамилию командира 44 пехотной дивизии генерал-майора Ткаченко и фамилию командира 305-го полка Легкодух я взял со слов моего знакомого черкеса Якуба Идриса, который действительно служил под их командованием. Я лично, однако, вовсе не знал, где эти части стояли или вели бой.

Фамилия командира 1-го батальона Бахирова и командира 3-й роты Савченко есть хорошо известные мне фамилии, которые я не хотел забыть. Бахиров был начальником нашего районного отделения НКВД. Это заклятый враг нашей семьи. Его фамилию я никогда не забуду. Савченко был вторым секретарем нашего районного комитета партии. Эту фамилию я также забыть никогда не мог бы.

Почему я отказался от всего этого вымысла?

От этого вымысла я отказался не потому, что я запутался или что меня приперли к стенке, а потому, что неправда меня самого мучила, потому, что я пришел к убеждению,

СЕКРЕТНО.

12.

что мое положение определяется не заслугами в советской армии или образованием или званием лейтенанта, а только моими личными способностями. На курсах вместе со мной были люди, вовсе не бывшие лейтенантами, однако, они американцами ценились не ниже меня. Кроме того, я пришел к убеждению, что если меня американские власти оценят, то они не допустят моей депортации.

Записано 29 октября 1958 г.

A.A.P.